

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Галины Романовой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

НАСЛЕДНИК ТЕМНОГО ВЛАСТЕЛИНА

СВОЙ ДРАКОН

ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ

НЕВОЗМОЖНЫЙ МАГ

ДВОЕ ИЗ ХОЛМОГОРЬЯ

ПРОКЛЯТИЕ ДИНАСТИИ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭЛЬФА

ВЫБОР НАСЛЕДНИКА

НЕУГОМОННЫЙ ЭЛЬФ

СЕРЕБРЯНЫЙ РЫЦАРЬ





Галина РОМАНОВА

СВОЙ ДРАКОН

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»



УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р69

Серия основана в 2004 году
Выпуск 416

Художник
С. А. Григорьев

Романова Г. Л.

Р69 Свой дракон: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 442 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1205-1

Раз в двенадцать лет небеса темнеют от закрывающих солнце перепончатых крыльев. Раз в двенадцать лет орды огнедышащих чудовищ с северных гор атакуют равнины, сея смерть и разрушение. Раз в двенадцать лет наступает Год Дракона — новый виток нескончаемой войны. В постоянной готовности к сражениям Орден Дракоборцев в закрытой школе учит юношей сражаться с драконами. В один прекрасный день порог обители переступает юный рыцарь Готик. Ему предстоит узнать много нового не только о себе, но и об извечных врагах человечества — драконах. И понять, что не все так просто.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1205-1

© Романова Г. Л., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Больше всего Готику нравился этот старый кабинет деда — на вершине донжона, выше всех комнат замка. К нему надо было подниматься по спирально закрученной лестнице и, затаив дыхание, рассматривать зарубки на старых камнях стен. Не раз и не два замок брали штурмом враги; последний раз это случилось, когда Готик был еще мал и, по традиции, в семилетнем возрасте был отдан в пажи одному из дедовых вассалов. Его не было в замке, когда туда после двухнедельной осады ворвались захватчики, и он не видел последнюю битву. Оборонявшиеся — оставшиеся в живых полтора десятка рыцарей, несколько оруженосцев и пеших воинов во главе с отцом и дедом — отступали тут, отдавая ступеньку за ступенькой и щедро поливая их своей и чужой кровью. На камнях стен до сих пор остались следы от мечей нападавших и защитников, и Готик всякий раз гадал, в каком месте могла быть та самая зарубка — куда мог попасть тот удар, который оборвал жизнь его отца. Тот сражался до последнего, защищая свою жену, мать и детей — двух сестер самого Готика, старшую и младшую, и брата, который только должен был родиться. Если бы не самоотверженность отца, деда и остальных воинов, все укрывшиеся в кабинете женщины и дети были бы убиты... Или нет, враги наверняка пощадили бы старшую сестру Готика, которой исполнилось девять лет. Ее бы в спешном порядке выдали замуж за сына или племянника предводителя нападавших, чтобы закрепить «законность» свершившегося деяния. Перед брачным документом, заверенным священниками, был бессилен даже король — и плевать, что подписан сей контракт будет кровью убитых родных несчастной невесты!

Но тот бой все-таки закончился победой. Потеряв в битве почти всех воинов, дед Готика сумел как-то отбросить нападав-

ших. Измученные защитники замка получили краткую — в несколько часов — передышку, а тем временем подросли на помощь войска дедова вассала, того самого, в чьем замке рос Готик. Семилетнего мальчика не взяли с собой в бой из опасения потерять наследника имени и титула. Он не присутствовал и на похоронах отца, но через несколько недель после бойни предстал перед королем, требуя справедливости. Подобные нападения соседей друг на друга ослабляли страну, король сурово карал зачинщиков, тем более что нападение произошло в первой трети нового цикла. Напавший на замок барон был вынужден заплатить огромную контрибуцию, а его четырехлетняя дочь стала заложницей в замке. Когда девочке исполнится четырнадцать, ее обвенчают с Готиком, дабы окончательно положить конец вражде.

Но юноша сейчас не думал о женитьбе — свадьба для него, шестнадцатилетнего, представлялась чем-то далеким и незначительным по сравнению с тем, ради чего он спешил сейчас по вытертым ступеням в кабинет деда.

Он редко бывал тут, с семи лет и до недавнего времени юноша много времени проводил вне дома. Первые пять лет он воспитывался в качестве пажа у одного из дедовых вассалов. Потом стал оруженосцем и еще четыре года практически не видел родных стен. Лишь трижды в год его отпускали к родным на короткую побывку. И всего однажды он задержался надолго — когда выдавали замуж его старшую сестру. Как старшая дочь своих родителей, она выходила замуж за потомка боковой ветви властителей Айнских. Случилось это чуть больше года тому назад.

Добравшись до заветной двери — до двери, в которую *ни разу* не входили посторонние! — Готик невольно задержал дыхание, прежде чем постучать. Несмотря на то что был наследником замка, юноша не был уверен в том, что ему вообще можно тут находиться. Этот кабинет был святая святых его деда, а до него — прадеда, прапрадеда и вообще всех мужчин рода.

— Входи, — послышался знакомый голос еще до того, как кулак юноши ударил в дубовые створки.

Переступив порог, Готик огляделся по сторонам, как будто впервые. С тех пор, как он был здесь последний раз, в кабинете ничего не изменилось.

Узкие окна, ориентированные по четырем сторонам света, не рассеивали полумрак, так что возле стола стояли два высо-

ких подсвечника. В центре комнаты располагалась жаровня с углями — в любую погоду там над горкой углей клубился дымок. Несколько стеллажей с книгами делили просторную комнату на части. Книг тут было много, за всю жизнь юноша не видел нигде столько книг, толстых, в кожаных и деревянных переплетах, окованных бронзой и медью. Среди книг лежали свитки, перетянутые шнурками, и просто кипы пергаментов, выровненные по размеру. Вдоль стен тут и там стояли сундуки. Сколько себя помнил юноша, они всегда были плотно закрыты. На стенах висели головы животных со стеклянными глазами, старинное оружие и шкуры.

— Проходи.

Готик сделал несколько шагов вперед. Дед стоял за конторкой и что-то писал на закрепленном наклонно листе пергамента. Возле стола стояли кресло и два стула, на один из которых он и указал внуку, на миг оторвавшись от дела:

— Присядь. Я сейчас закончу.

Послушный юноша опустил на краешек кожаной обивки. Заваленный всякой всячиной стол сам по себе притягивал любопытные взоры, но сейчас все внимание его захватил свиток, лежавший сверху. К нему двухцветным шнурком была прикреплена большая печать. Она была надломана — дед уже прочел свиток. С бьющимся сердцем Готик понял, что это — его судьба.

— Ну вот. — Дописав последнюю букву, дед повернулся к внуку. — Теперь мы можем поговорить... об этом, — добавил он, кивком головы указав на свиток. — Ты ведь догадываешься, что это такое?

Юноша кивнул.

— Это большая честь и немалая ответственность для тебя и всего нашего рода, — продолжал дед. — Попасть в Школу очень сложно. Желающих много, мест мало. Наставники всегда отбирают самых достойных, и не всегда это бывают дети из знатных семей. Младший брат нашего короля *трижды* — заметь, принц крови *трижды*! — подавал прошение, но его так и не приняли. Тебе повезло, тебя принимают в Школу с первого раза.

— В Школу? — не выдержав, вскричал Готик. — Меня?

— Да. Тебе уже исполнилось шестнадцать, но еще нет двадцати одного года. Ты вполне подходишь по возрасту. И твое заявление — то есть мое заявление, написанное от твоего имени, — было рассмотрено наставниками и одобрено. Я уже отдал

управляющему все необходимые распоряжения. Через три дня ты отправишься в Школу... мой внук.

Голос его предательски дрогнул при этих словах, и старый рыцарь поспешил отвернуться, чтобы юноша не видел его лица.

Выждав паузу, Готик протянул руку и взял свиток. Он развернулся с тихим шуршанием. Стройные ряды букв слагались в слова:

«Зачислить... в ряды Школы Дракоборцев... Готика Арвальда, баронета Дольского...»

— Неужели это правда? — Голос предательски дрогнул. Еще несколько дней назад юноша всерьез гордился тем, что у него начинает появляться солидный мужской баритон, и вот сейчас он внезапно пустил петуха.

— Правда, внук. — Дед встал, прошел к увешанной оружием стене. — Надеюсь, ты понимаешь, какая честь оказана всему нашему семейству?

— О да, — только и смог вымолвить юноша. Даже если ему суждено будет погибнуть — а почти половина выпускников Школы не доживает до тридцати лет! — его имя навсегда останется в анналах рода. И младший брат, когда у него родится сын, назовет малыша Готиком именно в честь прославленного родственника.

Стать дракоборцем была честь, привилегия и огромная ответственность. Ибо драконы были неотъемлемой частью жизни. Столь же реальные, как небо над головой и земля под ногами, они были врагами, перед которыми трепетали все. История мира практически представляла собой историю взаимоотношения людей и этих существ. И вступить в Школу Дракоборцев означало вписать в нее свое имя.

За много лиг от этого места, практически в ту же минуту

Авест осторожно опустился на площадку перед входом в пещеру Старого, потоптался немного, привыкая, и, опустив голову, стал протискиваться внутрь. Вход был узок, а Авест за последний год резко вырос. Какое-то время бывший самым маленьким, он в короткий срок сравнялся ростом и сложением с большинством сверстников, а кое-кого и перерос, что сразу заткнуло рты всем насмешникам племени.

Ход в пещеру Старого был таким узким, что оставалось

лишь удивляться, как сам Старый мог из него выбираться. Разве что где-то в скалах есть проход, которым он пользовался, но выросший в этих горах Авест был уверен, что знает окрестности назубок и нигде не замечал запасного отверстия. Разве что Старый обладает редкой способностью просачиваться сквозь скалы?

Трудно было ползти только первые несколько шагов. Потом ход расширился настолько, что посетитель сперва смог поднять голову, а потом и выпрямиться окончательно.

В пещере Старого было темно, но Авест отлично видел во мраке. Сотворить небольшой огненный шарик оказалось легким делом. Тот взлетел под потолок, озарив мрачные и торжественные своды. В отличие от остальных жилых пещер, обстановка тут была скромной и даже скудной.

«Ты пришел...»

Огненный шар осветил громадную тень в дальнем углу. Старый шагнул вперед, позволив юному посетителю увидеть себя во всей красе.

«Я ждал тебя».

Тусклый бесцветный голос не мог принадлежать этому могучему магу, перед силой которого меркли даже способности Хуррака, нынешнего вождя племени. Все знали, что Старый мог бы легко стать новым вождем, не дав Хурраку, самому молодому из претендентов, даже подумать о власти. Но не стал бороться, уступив именно Хурраку, который после смерти предыдущего вождя мог претендовать на власть в клане лишь при одном условии: если кто-то из более старших и достойных сам, добровольно, в присутствии остальных, не откажется от борьбы в его пользу. Старый так и поступил — и обеспечил клану на многие годы молодого, сильного, решительного и умного вождя.

«Я пришел, учитель». — Авест почтительно склонил голову, признавая авторитет и силу собеседника.

«Ты знаешь, зачем я призывал тебя?»

«Да, учитель. На меня пал выбор старейшин...»

«Да. — Старый приблизился, коснулся лба своего ученика жестом, который можно было назвать ласковым. — Ты — избранный. Знаешь, что теперь с тобой будет?»

«Меня принесут в жертву».

Голос был спокоен, и Старый осторожно коснулся разума

своего ученика. Ни тени смятения или страха. Только спокойствие и молчаливое ожидание. Какая сила воли!

«А ты знаешь, почему они избрали именно тебя?»

«Знаю. — Авест поднял до этого устремленный в пол взгляд. — Я — сын вождя и должен пожертвовать собой ради безопасности нашего племени. И я старший сын своего отца, кроме меня, у него есть наследник, значит, род Хуррака не прервется с моей гибелью».

«Ты знаешь, что тебе предстоит?»

«Да».

И снова в сознании лишь спокойствие. Ни тени страха или сомнения.

«Ты не боишься?» — все-таки поинтересовался Старый.

«А смысл? — В голосе промелькнула улыбка, тенью скользнула в чуть прищуренных глазах. — Умирать в страхе — это недостойно. Это значит усомниться в том, что взрослые приняли правильное решение, положившись на меня. Это значит подвести свое племя».

«Ты готов?»

«Да».

Взгляды их встретились...

«Еще есть время, — первым прервав контакт, промолвил Старый. — Из этой пещеры есть несколько выходов. Найди себе подходящий уголок и отдохни, наберись сил».

Почтительно поклонившись, Авест направился к одному из темнеющих в стене ходов, нырнув в него.

Когда он скрылся из вида, Старый стянул маску спокойствия и благодушия и с яростью топнул ногой. В сознании сына вождя он прочел достаточно для того, чтобы негодовать и злиться. Ум, честь, благородство, мудрость, решительность — там было все, что нужно для того, чтобы стать новым вождем. И все это обречено на гибель.

Три недели назад

Чеканя шаг, высокий плечистый рыцарь шагал по дворцу, и грохот его шагов эхом отдавался под потолком и заставлял дрожать витражи. При одном взгляде на его резкое, мужественное, словно вырубленное из камня лицо сердца придворных дам начинали биться чаще. Не одна красавица столицы — да и всей страны, коли на то пошло, мечтала о том, чтобы прославленный рыцарь хоть раз в жизни одарил ее благосклон-

ным взглядом. Многие женщины мечтали отдаться мужественному воину, некоторым это удавалось, что только подстегивало остальных. Куда бы ни пошел сэр Лаймож, всюду его сопровождали внимательные и томные женские взгляды.

Но сегодня ему было не до красавиц двора и столицы — да пусть хоть сама королева возжелает разделить с ним ложе. Чеканя шаг, раздувая крылья прямого породистого носа, сэр Лаймож, приор и новоявленный гроссмейстер, спешил к королю. И все, кто хоть немного его знал, спешили убраться с его пути куда подальше.

Рыцарь был в ярости, и клокодавшее в нем чувство нашло выход в резком рывке, когда он с усилием распахнул двери королевского кабинета.

Его величество Нерит Айнский, о чем-то беседовавший с советниками, поднял голову:

— В чем дело?

— Ваше величество, это правда? — загрохотал подкованными сапогами по мозаичному полу сэр Лаймож. — Я только что получил приказ: меня отзывают с границы... Скажите, что это ошибка! И на место гроссмейстера не назначили этого молоко-соса Руйера!

Почти две дюжины лет отдавший войне, сэр Лаймож редко выходил из себя, считая, что неумение держать себя в руках позорно для воина, ведь в битве особенно важно сохранить ясную голову. Но уж когда сие происходило, не стеснялся в поступках и выражениях.

— Сэр Руйер — прекрасный воин и ваш собрат по Ордену, — спокойно произнес король. — Не вы ли сами с восхищением отзывались о его воинском искусстве и опыте?

— Воинское искусство ничего не значит, когда дело доходит до принятия решений! — загрохотал бас рыцаря. — Настала последняя треть цикла! Вы разве забыли, что это означает?

— Я это прекрасно помню, — кивнул король Нерит.

— И в такое время вы хотите отстранить меня от армии? — загремел сэр Лаймож. — Запереть в четырех стенах, отправить в монастырь?

Кто-то из советников усмехнулся этому сравнению.

— Сэр, я прекрасно знаю, какое наступает время, — спокойно произнес король. — И, отправляя вас, как вы выражаетесь, в монастырь, забочусь о благе государства и мира в целом. Школа Дракоборцев, из стен которой в свое время вышли вы

сами, очень престижное заведение. Попасть туда — немалая честь. — Он невольно поджал губы, вспоминая, как его собственный младший брат трижды подряд подавал прошение о зачислении его в дракоборцы. В первый раз прошение отклонили, не объясняя причин. Во второй раз гонец коротко ответил, что есть и более достойные. На третий раз упрямому принцу предложили пройти испытания, но «срезали» уже на втором этапе, рекомендовав попытать счастья в следующий набор. Шутка жестокая и циничная, ибо сейчас принцу было почти тридцать лет, а в этом возрасте поступить в Школу было почти нереально.

— Честь, но...

— Наступает время перемен. — Король не позволил сэру Лайможу возразить. — И мы считаем, что только вы способны в этот важный и ответственный час возглавить Школу, особенно наследуя такому человеку, как магистр Отинур.

При этом известии суровое лицо прославленного рыцаря окаменело окончательно. Упомянутый сэр Отинур был гроссмейстером последние тридцать шесть лет, возглавив Орден сразу после трагической кончины своего предшественника. Двенадцать лет спустя именно он разглядел среди толпы очередных кандидатов будущего знатного дракоборца, юного Лайможа.

— И все-таки, ваше величество, — рыцарь не привык сдаваться так легко, — я вынужден отказаться. Я — воин. Мне некогда менять свои привычки и возиться с сопляками...

— Достаточно! — В голосе короля послышался металл. — Наше решение окончательное. И помните: я жду от вас перемен и решительных действий!

Глава 1 САМЫЙ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Конец лета

Готик навсегда запомнил свой первый день в Школе Драко-ноборцев.

Проснувшись задолго до рассвета в своей небольшой комнате, он по привычке выскочил во двор, дабы с остальными пажами и оруженосцами приступить к исполнению своих обязанностей, но был решительно остановлен старым конюхом.

— Нечего вам тут ходить, молодой господин, — проворчал он, заступая юноше дорогу. — Успеете еще своего меринка обиходить. Да и почистил я его уже, и ячменя свежего засыпал. Ступайте себе на кухню!

Явившись туда, Готик с порога был атакован кухаркой.

— Присядьте, молодой господин. — Вечно усталая женщина с красными то ли от слез, то ли от дыма глазами указала ему на скамью. — Сейчас молока свежего налью.

— Я хотел... — начал было юноша, и кухарка всплеснула руками:

— Ой, что это я, в самом деле? Вам ведь, как мужчине, не положено! Посидите пока, я скоренько...

Она куда-то метнулась и вернулась с кружкой домашней наливки, которую с почтением поставила перед юношей на стол и, сложив руки на переднике, смотрела, как он пьет. Впрочем, это не помешало ей минуту спустя уже замахнуться полотенцем на поваренка, который замешкался и забыл свои обязанности. А присоединившиеся некоторое время спустя остальные пажи и оруженосцы вместо воды и тем более молока удостоились от нее лишь ворчливых замечаний:

— Ишь, сони! Дрыхнут до полудня, а потом еще чего-то требуют... Берите пример с господина Готика, вот уж ранняя

пташка! Сразу видно — настоящий мужчина, не любит зазря бока на перинах пролеживать. Катитесь отсюда! У меня много работы. А вы, молодой господин, — это относилось к самому Готику, — сидите, пейте себе. Торопитесь вам некуда.

Странности на этом не кончились. Барон Нианский, его сюзерен, у которого юноша служил сперва пажом, а потом оруженосцем, и в чьем доме жил, когда прибыл в столицу, сперва повел его в торговые ряды, где было куплено новое седло, сапоги, справлены ножны и перевязь для меча и кое-какие мелочи. После чего барон лично проводил его до ворот расположенного за городом монастыря.

Ехать было недалеко — грозные стены обители Ордена Драконоборцев находились от городских предместий на расстоянии в три полета стрелы¹. С двух сторон монастырь окружали пастбища и луга для лошадей, с двух — пашни. По лугам и межам тянулись тропы до реки и деревень, где жили монастырские сервы².

Перед тем как проститься, старый воин склонился с седла и обнял своего воспитанника.

— Это великая честь, сэръ Готик, — промолвил он дрогнувшим голосом. — Постарайтесь быть достойным выпавшей на вашу долю судьбы... Подумать только, — вздохнул он, — я учил будущего драконоборца! Завидую вам. Ваш отец гордился бы таким сыном!

Юноша сдержанно кивнул. Сказать по правде, он волновался настолько, что сейчас был не в состоянии говорить.

Тесовые ворота, на которых были изображены два поверженных дракона, возвышались перед ним. Совсем недавно, каких-то несколько минут назад, когда Готик только подъезжал, они уже открывались, пропуская еще двух юношей, но успели закрыться снова. Монастырь Школы Драконоборцев стоял за широким рвом, заполненным водой. Мост защищал каменный барбакан³, почти полностью закрывавший обзор.

— Ну, храни вас Создатель! — Барон благословил своего теперь уже бывшего оруженосца. Два пажа, мальчишки восьми и десяти лет, смотрели на юношу с плохо скрываемым восхище-

¹ Полет стрелы — примерно 200 метров.

² Сервы — крепостные крестьяне. Жили на пожалованной им земле и не могли самостоятельно с нее уйти. В отличие от них, вилланы были более свободны.

³ Барбакан — предмостное сооружение, снабженное амбразурами.

нием и завистью — следующий набор произойдет только через двенадцать лет и даст шанс лишь одному из них, младшему.

Готик рассчитывал, что его воспитатель последует за ним к башне, но старый барон лишь махнул рукой и, повернув коня, поскакал прочь. Проводив его взглядом, юноша тронул шпорами бока коня, подъезжая к воротам.

— Кто?

Гулкий голос доносился откуда-то сверху, но, сколько Готик ни всматривался, он не мог заметить его источника.

— Готик Арвальд, баронет Дольский! — крикнул он. — Мне прислали приглашение...

— Покажи.

Юноша полез за пазуху, доставая свернутый в трубочку пергамент и разворачивая его одной рукой. Упавший откуда-то сверху лучик коснулся печати, и та вспыхнула, мгновенно превратившись в черное пятно. Несколько секунд — и пергамент начал тлеть, на глазах рассыпаясь пеплом. Последний клочок выпал из руки и дотлел уже в дорожной пыли.

— Проезжай!

Створки ворот стали со скрипом разъезжаться в разные стороны. За ними обнаружилась чугунная решетка, которая неспешно поползла вверх. Когда образовался проем, достаточный для того, чтобы прошел человек, ведущий лошадь в поводу, ворота и решетка остановились. Пришлось спешиться и дальше весь путь проделать на своих двоих.

Едва он ступил на подъемный мост, сзади послышался натужный скрип. Готик быстро обернулся — решетка и половинки ворот занимали свои места. Они двигались как бы сами по себе, ни одного человека не было заметно поблизости, никто не крутил ворот, не налегал на створки. «Магия!» — догадался юноша.

В полном одиночестве, если не считать своего коня, Готик пересек мост и прошел под арку второй башни, точной копии первой, сразу очутившись на широком плацу, вытопанном до твердости камня. Здесь даже подковы тяжелых рыцарских коней не оставляли следов.

Справа и слева возвышались мрачные здания — жилые и учебные корпуса. В глубине виднелось еще одно строение — собор, узнаваемый по шпилям и остроконечным кровлям. Из-за корпусов выглядывали другие здания — приземистые, сложенные из массивных камней — казармы, конюшни, кладо-

вые, кухни. Кроме Готика тут оказалось еще несколько юношей, тех самых, прибывших чуть раньше.

Осмотреться как следует не дали — какой-то рыцарь мигом оказался рядом.

— Новенькие? — деловым тоном осведомился он. — Чего застыли? Ставьте коней во-он там, — он указал рукой, — и живо на плац.

— Простите, вы не подскажете... мое письмо там сторело у ворот, и я не знаю, — начал было Готик, но его решительно остановили:

— Потом! Все потом! Не дай бог тебе опоздать на первое построение! Вот беда с этими провинциалами...

Юноша вспыхнул — его еще никто так не называл! — и уже хотел было заставить незнакомца проглотить обидные слова, но вовремя разглядел эмблему на его тунике, обтягивающей стройное сильное тело, и сам подавился всем, что хотел сказать. Кем бы ни был этот рыцарь, он уже был драконоборцем, а Готику еще предстояло заслужить это звание.

— Бегом-бегом-бегом! — Рыцарь подкреплял свои слова энергичными хлопками. — С третьим ударом колокола вы все должны быть на плацу!

Словно подтверждая его слова, послышался звон колокола, и новички сорвались с места.

— Быстрее! Быстрее! — несколько конюхов встретили их торопливыми криками. — Расседлать лошадей — и живо на плац!

— А если у кого-то нет лошади? — тут же пискнул невысокого роста веснушчатый парнишка.

— Тогда бегом на плац, пока тебя не заставили чистить чужих коней! — прикрикнул конюх, и веснушчатый сорвался с места с такой скоростью, словно от этого зависела его жизнь.

Готика не пришлось ни упрашивать, ни обучать премудростям ухода за лошадьми. Он завел своего мерина в свободное стойло — благо таких тут было много, — быстро расседлал, повесив седло на крюк, скрутил жгут из соломы и обер конские бока.

— Ловко у тебя получается!

От неожиданности юноша чуть не выронил жгут. В дверях денника обнаружился незнакомый юноша. Трудно было сказать, сколько ему лет — ростом он был на уровне Готика, да и шириной плеч не уступал, но над верхней губой не росло ни од-

ного волоска будущих усов. Зато светлые, с золотистым отливом волосы спускались ниже плеч. Будь незнакомец чуть менее развит физически, его вполне можно было принять за переродившую девушку.

— Я привык, — пожал плечами юноша. — Это входит в обязанности оруженосца. Кроме того, настоящий рыцарь сам заботится о своем коне, ибо конь — верный спутник рыцаря, его боевой товарищ, и часто от коня зависит жизнь всадника.

— А у меня нет коня, — сказал светловолосый. — Я пришел пешком.

— Ты простолюдин? — Готик знал, что в Школу иногда принимали юношей низших сословий, но не ожидал, что столкнется с одним из них в первый же день.

— А... э... не совсем, — подумав, ответил парень.

— То есть как «не совсем»? Ты бастард?

— Нет. В нашем племени нет такого понятия, как семья, — пустился в объяснения парень. — Мой отец просто составил пару с моей матерью, и теперь только смерть одного из родителей заставит второго посмотреть на сторону.

— В твоём племени? Ты откуда?

— С гор.

— А-а-а... — Готик кивнул, вспомнив свои познания в истории и географии. Не так давно, цикл или два назад, несколько горских племен признали главенство равнинных королей. Когда-то давно, если верить летописям, горские племена считали себя Пастухами Драконов, поклонялись этим тварям и приносили человеческие жертвы. Впрочем, времена мирного сосуществования с крылатыми тварями если и были, то давно миновали. Вот уже почти восемь веков мир жил в состоянии ожидания нового витка бесконечной войны.

— Ты — горец?

— Меня зовут Авидар, — представился парень. — Мой отец вождь нашего племени.

— Ох, — Готик даже выдохнул от облегчения, — это же здорово!

— Как сказать... Я — старший сын вождя и должен...

— Здорово то, что мы с тобой почти равны! Я — старший сын лорда, а вождь племени — это все равно что лорд. Общение с тобой не уронит моей чести. Меня зовут Готик Арвальд, баронет Дольский.

Ответить Авидар не успел — рядом возник один из конюхов.

— Вы что? — прикрикнул он. — На гауптвахту захотели в первый же день? Второй удар колокола пропустили! Ты — живо на плац! А тебе, — конюх ткнул Готика в грудь, возвращая в денник, — еще надо дочистить коня.

Авидар убежал, а юноша с удвоенной энергией принялся скрести соломенным жгутом конские бока.

Он справился с заданием в числе последних, но успел добежать до плаца и встать крайним в ряду в самый последний момент. Стоило ему остановиться и уронить свой вещмешок на землю, как послышался третий удар колокола.

Он еще плыл в воздухе, а навстречу замершим новичкам уже шагал высокий мрачный рыцарь с твердым, резким, словно вырубленным из камня лицом. Поверх обычной одежды — туника и кожаный колет — у него на плечи была наброшена выделанная кожа какого-то зверя. Шпоры на высоких сапогах звякали при каждом шаге. При его появлении случившиеся тут же драконоборцы побросали все дела и тоже выстроились в шеренгу напротив новичков. Их было раза в два больше, многим было явно под тридцать, а кое-кто и постарше, и все носили на туниках эмблему — извивающегося змея, пронзенного копьем, а талию каждого перетягивал пояс из змеиной кожи.

Рыцарь с каменным лицом прошелся между шеренгами туда и обратно, остановившись так резко, словно ему внезапно скомандовали: «Нале-во! Кру-гом!»

— Так, — произнес он резким злым голосом, — слушайте меня! Вам всем, сопляки, выпала великая честь пополнить собой ряды Ордена Драконоборцев. Гордитесь уже тем, что вас допустили в эти стены. Ваша группа — последняя, кого наберут в этом цикле, так что гордитесь выпавшим шансом. Это означает, что вы — лучшие из лучших, ибо кого попало сюда не принимают. Забудьте все, что было раньше. С сегодняшнего дня у вас начинается совсем другая жизнь. Вы пришли сюда неуклюжими щенками — мы вырастим из вас настоящих воинов, которые будут с честью исполнять свой долг — уничтожать проклятых огнедышащих тварей, где бы они ни находились!

— А зачем уничтожать драконов?

Одинокий голос был подобен грому с ясного неба. Даже замершие напротив рыцари вздрогнули от неожиданности, а оратор побагровел.

— Это кто тут такой умный? — прорычал он с плохо скрываемой яростью. — Кто осмелился разевать рот без приказа?

— Я, — с противоположного конца шеренги раздался голос.

— Ты, — драконоборец сделал шаг навстречу, — самый умный?

— Но вы же не приказывали нам молчать, сэр! — произнес тот же голос.

— Так приказываю! — рявкнул рыцарь. — Молчать всем! Вопросы задавать, только когда вам разрешат! Из строя выходить, только когда вам разрешат! Исполнять то, что вам прикажут! За послушание на первый раз — сутки гауптвахты. За второй раз — трое суток карцера. За третий раз — отчисление. Всем понятно? Не слышу!

— Да, сэр! Есть, сэр! — вразнобой воскликнули новички.

— Отвратительно! — скривился рыцарь. — Торговки на базаре орут слаженнее. Хором, все вместе: «Да, сэр!» Три-четыре...

— Да, сэр! — грянул хор голосов.

— Уже лучше! А насчет драконов... — Уже сделав шаг, рыцарь остановился. — Эти чудовища убивают людей, жгут дома, травят посевы, уничтожают скот и лошадей. Вы все еще слишком молоды и вряд ли хорошо запомнили, что было десять лет назад, когда они напали в очередной раз. Год за годом мы ведем с ними войну — это наш долг, привилегия и судьба. И пока жив хоть один дракон, мы не сложим оружия.

— Значит, люди ненавидят драконов? — не сдавался новичок.

— «Ненавидят»! — передразнил драконоборец. — А за что любить этих тварей? Жестокие, тупые чудовища, уничтожающие все на своем пути... Они всегда — слышите, *всегда!* — нападают первыми, заставляя нас раз за разом братья за оружие! И мы будем братья! — повысил он голос. — Мы будем сражаться и убивать их, пока живы! Каждому из вас рано или поздно предстоит убить своего дракона. Ради этого мы живем, в этом смысл нашей жизни! Драконам нет места на нашей земле! А кто так не думает, тот предатель своей расы!

Ошеломленные новички молчали.

— Ладно, на первый раз достаточно. — Рыцарь перевел дух. — Ты, — он ткнул пальцем в осмелившегося подать голос новичка, — отправляешься на гауптвахту. Остальные — в казарму.

Казарма для новичков представляла собой просторную комнату с низким сводчатым потолком, поддерживаемым колоннами. В спальном корпусе таких комнат было четыре — по числу групп учеников, и три из них были уже заняты. Вдоль стен стояли две дюжины коек одинакового размера, застеленных одинаковыми одеялами — двенадцать с одной стороны и двенадцать с другой. Возле каждой койки стоял маленький приземистый сундучок для личных вещей. На две койки полагалось одно низкое окно с широким подоконником, забранное решеткой. Окна были только на одной стене — вторая была смежной с соседней спальней. В центре комнаты стоял один-единственный стол и несколько стульев — их было явно меньше, чем переступивших порог юношей.

Сопровождающий юношей рыцарь прошелся вдоль колонн, широким жестом указав на койки:

— Располагайтесь кто где хочет. Выход — там! — Он ткнул себя за спину. — Нужник — тут, — указал на противоположную дверь. — Кому невтерпех ждать своей очереди, может справить нужду снаружи, но тогда свое дерьмо сами за собой убирайте!

Юноши проходили вперед, озираясь по сторонам. Довольно скромное убранство так или иначе поразило всех.

— И это все? — разочарованно протянул кто-то. — Больше нам ничего не положено?

— А зачем вам тут лишняя роскошь? — хмыкнул драконоборец. — Это же не королевский дворец, а Орден Драконоборцев. И вам тут не дадут разлеживаться на перинах. Слушайте колокол — скоро вас позовут на первую тренировку. Потом — ужин. Остальное вам объяснят позже.

И ушел, оставив ошеломленных новичков одних.

— Круто! — восхищенно воскликнул юноша лет девятнадцати. — Вы знаете, кто это был?

— Тот, кто перед нами выступал на плацу? Это же сам сэра Лаймож Луанский! В последнюю кампанию он прославился атакой на Змеиную пещеру! Видели шкуру на его плечах? Это кожа настоящего дракона!

— О да! Сам сэра Лаймож Победитель! — со всех сторон слышались восторженные голоса. — Великий воин! Борец с драконами!..

— И нам выпадет честь у него учиться, — продолжал тот же самый юноша. — Мне здесь нравится!

С этими словами он растянулся на ближайшей койке и мах-

нул рукой какому-то парнишке, пристраивающему свои вещи на соседней:

— Как зовут? Откуда родом?

— Я... э-э... — Это был тот самый веснушчатый мальчишка, который пришел без лошади. — Меня зовут Садуго. Просто Садуго.

— Простолюдин?

— Мой отец торговец...

— Это ничего не значит! Перед тобой — наследник имени и титула герцогов Нильских, сэра Юниста! Я уже три месяца, как посвящен в рыцари. И, если хочешь занимать место рядом со мной, ты должен его заслужить. Так что давай принеси от порога мои вещи и распакуй их. И поосторожнее с кольчугой!

— Но... — Садуго заколебался. — А разве так можно?

— Можно, — категорично ответил Юнист. — Я — лорд, ты — простолюдин.

— Но разве нам не сказали, что отныне мы равны?

Одним прыжком будущий герцог Нильский оказался на ногах и отвесил собеседнику короткую оплеуху:

— Кто тебе это сказал? Лорд никогда не станет вровень с простолюдином! Бегом за моими вещами или убирайся с этой койки!

— Давай я принесу твои вещи, — предложил свои услуги третий парнишка. — Меня зовут Ширд.

— Молодец! Потом займешь его место. — Юнист кивнул на веснушчатого паренька с таким видом, словно речь шла о кошке, которую надо спихнуть с кресла.

Сын торговца попытался спорить, когда его нехитрые пожитки были сброшены на пол и пинком отправлены куда подальше, но на сторону Юниста и Ширда встал еще один юноша.

— Да, мы все равны, — заметил он, — но некоторые — равнее.

Готик не принимал участия ни в ссоре, ни в последующей перепалке. И так было ясно, что Юнист и его подпевалы будут верховодить в группе новичков. И не только потому, что они уже были рыцарями, заслужили шпоры и принесли с собой личное оружие и доспехи¹. Просто в любой группе так всегда

¹ Оруженосцы, как правило, пользовались доспехами и оружием, которые им выделял лорд, они не были их собственностью. Принимая рыцарское звание, юноша получал личный меч и мог самостоятельно приобрести себе доспехи.

бывает — кто-то командует, кто-то подчиняется. Тут главное — не позволить спихнуть себя на более низкую ступень.

Вообще в группе из двадцати юношей и мальчишек простолюдинов была примерно половина. Оглядевшись по сторонам, Готик не заметил того светловолосого парня, Авидара. Где его носит? Ах да! Он же сидит на гауптвахте! Как там говорил сэра Лаймож? После третьего замечания — отчисление? Если да, то у Авидара неприятности появились еще до начала обучения.

Впрочем, ему какое дело? Если кто-то не ценит выпавшей на его долю чести, это его проблемы. А Готик переступил этот порог, чтобы стать драконоборцем и прославить свое имя, уничтожая драконов.

Не успели юноши распаковать вещи, как дверь распахнулась от резкого пинка, и возникший на пороге рыцарь хлопнул в ладоши:

— Колокол не для вас звонил? Бегом на построение! Скорее! Скорее!

Удивленные, взволнованные и заинтригованные, ученики нестройной толпой высыпали из казармы, выстраиваясь на плацу. Три другие группы, набор в которые завершился раньше, уже стояли по стойке «смирно». Рыцарь, выгнавший их, прошелся вдоль строя, бросая на каждого придирчивый взгляд. Обойдя замерших новичков, он остановился, заложив руки за спину.

— Парни, — начал он, — вам оказана великая честь — вы зачислены в ряды прославленного Ордена Драконоборцев. Но, чтобы стать настоящим воином, защитником и героем, мало попасть в эти стены. В течение нескольких лет вы будете день за днем постигать воинскую науку...

— Некоторые из нас уже рыцари, — негромко, но весомо буркнул Яунист, стоявший за два человека от Готика.

— Это ничего не значит! — отмахнулся драконоборец. — Забудьте все, чему вас учили! Всю науку вы будете постигать с нуля, и некоторым из вас придется труднее, чем остальным...

Яунист опять что-то проворчал.

— Да, — как ни в чем не бывало продолжал оратор, — поскольку учиться с самого начала намного легче, чем переучиваться, забывая старые навыки. Вас научат борьбе, фехтованию различными видами оружия, метанию копья...

— Стрельбе из лука, — негромко подсказал еще один подросток.

— Лук — оружие простолюдина! — перебил драконоборец. — Настоящий рыцарь никогда не возьмет в руки это изобретение для слабаков. Хотя вам придется научиться натягивать лук — для того, чтобы развивать руки и плечи. Вас также обучат верховой езде, конному бою, магии...

Кто-то присвистнул.

— Да, магии! Ибо драконы — суть магические твари и могут насылать чары на своих врагов, дабы лишить их сил и мужества. Вы должны уметь противостоять враждебным чарам, и заодно каждый должен научиться зачаровать свое оружие для смертельного удара. Много времени вы потратите и на то, чтобы научиться сражаться и убивать драконих прихвостней — всякую нечисть и злобных тварей, посылаемых драконами в наш мир. К концу цикла вы все станете настоящими воинами. Меня зовут брат Акимир, и я — ваш старший наставник. Но хватит разговоров! Побежали!

Подгоняемые хлопками и окриками наставника, новички сорвались с места.

Первые два круга были действительно бегом по плацу, вытоптанному до такой твердости, что казалось, будто под ногами не земля, а голые камни. Но на третьем круге драконоборец заставил их свернуть на полосу препятствий. Здесь было намного сложнее — приходилось то перепрыгивать через лежащие бревна, то подлезать под низкие деревянные воротца, то ползти, загребая локтями и коленями, то скакать через ямы, то кувыряться, уворачиваясь от раскрученного на веревке полена.

Тяжелее всего было последнее препятствие, после которого следовало заходить на новый круг. Это была длинная и довольно глубокая траншея, заполненная грязной водой — судя по особому запаху и кое-каким плавающим на поверхности «мелочам», сюда сливали отбросы. Над нею были установлены в ряд несколько воротец, и предлагалось пройти над траншеей на руках. Сорвешься — рухнешь в грязную мутную жижу. Веснушчатый Садуго сорвался первым, не пройдя на руках и трех «шагов». Яма оказалась ему по грудь. От неожиданности он окунулся с головой и вынырнул такой грязный, что бегущие следом невольно затормозили.

— Не спать! Продолжать движение! — Наставник за руку выдернул паренька из траншеи и заставил встать в конец колонны. — Бегом! Бегом!

С непривычки уже на третьем круге новички стали спотыкаться и падать чуть ли не через каждые три-четыре шага. В траншею каждый окунулся по разу точно. Дольше всех продержался Яунист, но на четвертом круге уже в самом конце сорвался и он, успев, однако, выбросить вперед и в стороны руки и таким образом избежать полноценного «купания». В результате он испачкался только по пояс, что отнюдь не добавило ему настроения.

Пятый круг оказался последним. Выстроившиеся перед братом Акимиром новички тяжело дышали.

— Это — только начало! — «обрадовал» их драконоборец. — До ужина еще есть время, так что...

— А как же обед? — Коренастый крепыш, который тем не менее оказался слабаком под стать Садуго, разочарованно хлопнул носом.

— Обед надо еще заслужить, — отрезал рыцарь. — И вообще, в Ордене едят только дважды в день — утром и вечером. Учтите это, когда завтра на рассвете отправитесь в столовую. А сейчас у вас есть несколько минут, чтобы сменить грязную одежду и вернуться сюда... Кроме вас троих!

Яунист, тот самый крепыш и еще один парнишка с удивлением захлопали глазами, но остановились. Задержались и остальные — любопытство оказалось слишком сильным.

— Ты — тридцать отжиманий! — Палец драконоборца ткнулся в грудь юного рыцаря. — А вам двоим — по десять!

— А почему мне тридцать, а им... — начал было Яунист.

— Сорок отжиманий, — как ни в чем не бывало поправился наставник. — За то, что осмелился перебивать наставника и пререкаться с ним. Начали! Остальные — свободны! Сменить одежду — и возвращайтесь сюда. Бегом! Кто опоздает — получит плетей!

— Неужели они в самом деле будут нас пороть? — подумал вслух еще один парнишка, которого, насколько успел запомнить Готик, звали Пасаком. — Мы же лорды!

— Меня мой наставник иногда бил. Раньше, когда я только начал служить оруженосцем, — вспомнил Готик. — То есть не порол на самом деле, но иногда мог дать затрещину или вытянуть плетью. Характер у него был тяжелый.

— У моего тоже, особенно когда напьется, — с пониманием кивнул Пасак. — Нас у него было десять, он посылал учеников

с разными заданиями и, если кто-то не справлялся, колотил почем зря... Но я так мечтал стать рыцарем, что все терпел.

Тут разговор сам собой прервался — едва ученики принялись копаться в своих вещах, выискивая, что почище, как порог казармы переступил еще один драконоборец, лет на десять моложе брата Акимира.

— Шевелись, сонные черепахи! — гаркнул он. — Хватай, что попадется, напяливай — и вперед! Кто опоздает — десять отжиманий!

Пришлось надеть исподние порты и простую льняную рубаху. На новые башмаки и носки времени не оставалось, и Готик выскочил на плац босиком, мимоходом отметив, что не он один оказался без обуви. Несчастный Садуго и вовсе оказался в одном носке, да еще и с дырой на большом пальце.

— А вы куда направились? — Рыцарь остановил Яуниста и двух его товарищей по несчастью, которые двинулись было в казарму, чтобы переодеться. — Встать в строй!

— Но мы должны хотя бы сменить рубашки! — заспорил крепыш.

— Сбрось свое тряпье прямо тут, а после разминки получишь еще десять отжиманий! — определил новый наставник и оглянулся на остальных: — И так будет с каждым независимо от того, какова причина! Опоздал или не успел — никаких послаблений. Получил наказание — никакого отдыха. Делайте все быстро, хорошо и без лишних слов — или не делайте совсем. Встать в круг!

Все повиновались.

— Мое имя — брат Квактол, — представился драконоборец. — Моя задача — научить вас сражаться. И мне плевать, — он повысил голос, — на то, что некоторые из вас уже держали когда-то благородное оружие в руках! Наоборот — этим несчастным лично я не завидую. Сейчас — разминка. Начинаем с кистей рук! Встать так, чтобы не задевать кулаками товарищей! Руки в стороны! Повторяем за мной!

В течение следующих двух часов новички усердно разминали все суставы и мышцы, начиная от пальцев рук и ног и заканчивая плечами. Потом последовали прыжки — то на двух ногах, то на одной, поочередно. Потом их заставили встать на колени и выпрыгивать уже из этого положения. Когда у новичков уже начали гудеть от усталости ноги, брат Квактол перешел к ударам.

— Все удары, — вещал он, — наносятся из определенной стойки. Ноги полусогнуты, ступни параллельно друг другу и немного носками внутрь. Левая нога чуть вперед — она опорная, правая — сзади. Ею делаем подшаги. Корпус вполоборота... Кто скажет — зачем?

— Чтобы удобнее было держать щит, — блеснул познаниями Яунист.

— Чтобы уменьшить площадь поражения, — поправил наставник. — Но и такой ответ можно считать верным. Отсюда стойка: левая рука согнута в локте и выставлена вперед. Это ваш пока воображаемый щит. Правая чуть отведена назад и расслаблена. Удар начинается не в плече, а от носка вверх до голени и колена, потом бедром толкаем корпус, а уже он выталкивает вперед руку. До последнего рука расслаблена, напрягаем ее только в самый момент удара...

— Не понимаю, — шепнул все тот же Пасак, терпеливо выполняя все указания, — зачем нам кулачный бой? Мы разве сервы, чтобы драться голыми руками?

— Десять отжиманий после тренировки. — Казалось, драконоборец стоял спиной и в этот момент что-то объяснял, но вот поди ж ты — все услышал и вычислил говорившего! Готик подавил вздох и твердо решил держать язык за зубами.

Тренировка продолжалась еще час; все это время новички, как заведенные, отрабатывали тот единственный удар, который им показали. Сначала правой рукой, потом левой, потом поочередно, пока не заныли мышцы. Готик, стиснув зубы, молчал и к концу тренировки оказался едва ли не единственным, кому брат Квактол, завершив свои дела, разрешил сбегать до нужника, пока остальные, пыхтя и обливаясь потом, отжимались на плацу.

Звон колокола, возвещавший начало ужина, все встретили стоном облегчения.

— Нечего радоваться, — тут же огорошил новичков брат Квактол, — это знак для братьев-рыцарей. Сейчас у вас есть полчаса, чтобы привести в порядок, выстирать и повесить сушить свою одежду. После ужина вас ждет работа... — Он сделал паузу, переживая волну разочарованных вздохов и стонов. — А вы как хотели? Здесь у нас нет слуг, на которых можно возложить эти обязанности. Даже когда у вас появится свой наставник, вам и тогда придется время от времени трудиться на благо Ордена.

— Э-э-э... — Яунист поднял руку. — Брат Квактол, можно вопрос?

— Обращайтесь, — кивнул тот.

— У каждого из нас будет свой, личный наставник?

— Да. В вашей группе двадцать человек... То есть, — он сделал паузу, пересчитав глазами новичков, — пока девятнадцать, двадцатый сидит на гауптвахте. И еще три двадцатки были набраны в прошлом и позапрошлом месяцах. Итого восемьдесят. Через год лучшие из вас получают своих наставников. Будут устроены соревнования. Те из вас, чьи результаты окажутся далеки от совершенства, еще год проведут в новичках, тренируясь по общей программе. Если же и на второй раз эти недотепы не улучшат свои показатели, им придется навсегда распрощаться с мечтой стать рыцарями.

— А почему?

— Когда вы будете изучать историю Ордена Драконоборцев, вы получите ответ на этот и некоторые другие вопросы. А сейчас — марш заниматься делами! У вас всего полчаса. Кто провозится со своим барахлом дольше и опоздает к ужину, ложится спать голодным!

В бытность оруженосцем Готик несколько раз, отправляясь со своим воспитателем в походы — по счастью, не боевые, стирал свои и господские портянки и был уверен, что справится. Однако он не учел, что пришлось сначала идти к брату кастеляну за мылом и деревянными ведрами, потом стоять в очереди к колодцу, черпать воду, наполняя ею большую бадью, и только после этого приступить к стирке.

Яунист не принимал в этом участия — он вручил свою грязную одежду Ширду и все полчаса просидел в тени, наблюдая, как трудятся остальные. Готика подмывало поступить так же, но он понимал, что сначала надо присмотреться к остальным парням и лишь после этого выбирать себе «слугу». Кроме того, он знал, что мальчишку, который будет вместо него выполнять грязную работу, ему придется как-то опекать и защищать, а к подобным отношениям юноша не был готов. Да и кого взять? Того же Садуго?

Набегавшись за день, подростки еле-еле осилили стирку, и колокол, зовущий на ужин, заставил их бросить свои рубахи как попало. Уставшие новички, не чувствуя вкуса, проглотили ужин — кашу с кусочками сала, вареные яйца, сыр, салат из зелени и сбитень. Братьев-драконоборцев кормили сытно, не то

что в других монастырях, исповедовавших воздержание и аскезу.

После еды многих клонило в сон, но расслаживаться за столами никому не позволили. Брат-повар поднял половину юношей и погнал их собирать со столов объедки, мыть посуду, подметать пол, чистить овощи и месить тесто для утренней порции хлебов — в общем, помогать по кухне. Остальных выгнали на двор — сквозь открытые двери кухни Готик видел, как им всем, в том числе и недовольно скривившемуся Юнисту, вручили по метле и заставили подметать плац, на котором они бегали весь день.

Собрав стопкой грязные миски, юноша отнес их на кухню и тут заметил возле котла с горячей водой новое лицо. Вернее, лицо было старым — несмотря на то, что общались всего несколько минут, забыть эти светлые волосы и золотистые глаза оказалось невозможным. Закатав рукава рубашки, Авидар неловко, но старательно мыл грязную посуду.

Глаза юношей встретились.

— Тебя уже отпустили? — поинтересовался Готик, опуская в чан с водой миски.

— На время. Сказали — наказание наказанием, но отработать свое я обязан.

Авидар неожиданно улыбнулся, и юноша почувствовал странное облегчение, словно ему сообщили прекрасную новость и разрешили давно мучившие его сомнения.

— Тебе помочь?

Слово вырвалось само. Готик даже прикусил от удивления язык. Что на него нашло?

— Спасибо, я сам. — Авидар улыбнулся снова и погрузил в чан руки до локтя, занявшись мытьем посуды.

— Чего застыл? — Брат-повар возник рядом. — Мечтаешь возиться в грязной воде? Тогда закатывай рукава... И живо, живо! Думаешь, посуда сама помоеется?

Отдав распоряжение, он отправился следить за другими мальчишками.

— Не стоило тебе со мной разговаривать, — помолчав, сказал Авидар. — Это мое наказание.

— «Смирение — одна из добродетелей рыцаря, — процитировал Готик правила, которые ему щедро вдалбливали в бытность оруженосцем. — Гордыня относится к числу грехов, с которыми надлежит денно и нощно бороться. Настоящий воин си-

лен не только телесно, но и духовно. Не праздными размышлениями, но тяжким трудом только и можно воспитать в себе силу духа...»

— «Ибо плоть наша слаба и тленна, а дух — бессмертен!» — раздалось за спиной.

Юноши вскрикнули от неожиданности. У Готика вырвалась из рук и булькнула на дно только что вымытая посудина, когда тяжелая рыцарская длань опустилась ему на плечо.

— «Держись стези своей, не сходи с пути прямого — и достигнешь всего, что пожелаешь!» — Пожилой рыцарь, длинные, до лопаток, волосы которого покрывала седина, а темное лицо бороздили морщины, улыбнулся остолбеневшему юноше светло-голубыми, как зимнее небо, глазами и отошел.

Две пары глаз зачарованно смотрели ему вслед.

— А кто это? — выдохнул Авидар.

— Твое-то какое дело? — Брат-повар с грохотом опустил в чан с грязной водой еще несколько мисок. — Живо принимайтесь за дело. А то еще опоздаете на вечерний молебен!

— На молебен? — Темные, четко очерченные брови юноши взлетели вверх. — А зачем?

Готик подавил вздох. Просто беда с этими горцами! Сначала он лезет с неуместными замечаниями на предмет того, надо ли убивать драконов — тварей, регулярно уничтожающих дома, посеы и самих людей, — а теперь вот снова дает волю своему языку. Эдак опять получит нагоняй и вылетит из Школы в считанные часы! Решив как-то замять дело, Готик сказал:

— Молебен нужен не только для того, чтобы вознести свои просьбы и хвалы Создателю этого мира. Молитва есть еще и способ очищения и закалки духа, ибо душа наша столь же уязвима, как и брeнная плоть, и так же нуждается в тренировке, дабы в ответственный момент не пасть духом и найти в себе силы двигаться вперед.

Уже отошедший к выходу и замешкавшийся, чтобы пропустить двух новичков, волокущих чан с грязной водой, седой рыцарь обернулся, услышав эти слова.

— Отлично сказано, юноша! — промолвил он. — Продолжайте в том же духе, и вы убьете своего первого дракона прежде, чем все остальные!

Готик замер от неожиданности. Кроме, пожалуй, деда, никто особенно не приветствовал его «умничанья». Даже мать и

то иногда ворчала, что подобные изречения более приличествуют священнику, чем будущему воину.

— Вот это да! — Брат-повар, кажется, забыл, что должен подгонять нерадивых помощников. — Впрямь хорошо сказано, раз это оценил сам сэр Альдон.

— Да кто это?

Брат-повар посмотрел на дверь, за которой уже скрылся седовласый рыцарь.

— Сэр Альдон — один из лучших драконоборцев, — произнес он. — Мистик и поэт. Эх, каким бы он был великим магистром после сэра Отинура! Но сам отказался от этого звания... А что это вы застыли, разинув рты? Колокол вот-вот прозвонит, — напустился он на юношей. — У вас еще дел невпроворот! Бегом-бегом!

— Я его боюсь, — шепотом поделился своими мыслями Авидар, когда брат-повар ненадолго отвернулся.

— Кого? Его? — Готик кивнул на фигуру их надсмотрщика.

— Нет. Этого... сэра Альдона. У него глаза холодные!

«Можно подумать, у тебя они теплые! — хотелось сказать юноше. — Что за обычай судить о человеке по взгляду?» Но мельком глянул на лицо своего приятеля и впервые порадовался тому, что не произнес ни одного слова вслух.

Золотисто-янтарные глаза Авидара действительно излучали тепло. Будь такой теплый взгляд у девушки, даже самой последней дурнушки из грязной деревни сервов, — и любой принц крови, не задумываясь, бросил бы к ее босым ногам свое королевство. Готику захотелось ущипнуть себя — так подействовал на него этот взгляд, в котором сила и мужественность сочетались с чистотой и теплом. А ведь Авидар даже не смотрел в его сторону — все внимание юноши было сосредоточено на грязной посуде.

Звон колокола застал их уже закончившими дела и убирающимися на кухне.

— Через три минуты начинается молебен! — воскликнул брат-повар. — Шевелитесь, сонные мухи!

— Ты иди. — Авидар не прервал своего занятия. — Я тут все приберу.

— А как же...

— Мне же еще на гауптвахту возвращаться, — улыбнулся Авидар. — Меня выпустили, только чтобы помочь на кухне.

Пришлось отправляться в одиночестве.

Готик ворвался под старинные своды собора, когда уже почти все собрались. Рыцари стояли стройными рядами, по старшинству: высшие чины, магистры и их приближенные впереди, рядовые рыцари сзади. Новичков же выставили в самом первом ряду — то ли для того, чтобы следить, насколько благочестив тот или иной юноша, то ли просто для того, чтобы Создателю их было лучше видно.

Понукаемый остальными — пока он не займет свое место, молебен не начнется, вон уже и священник недовольно морщит брови! — Готик протолкался к своим приятелям и, не выдержав, обернулся, ища взглядом сэра Альдона.

Тот оказался совсем рядом — буквально в двух шагах. Запрокинув седую голову, старый воин, мистик и поэт пристально смотрел на огромное, в два человеческих роста, расположенное на возвышении изображение Создателя, повергающего в Хаос первого Дракона. И выражение лица у него при этом было такое... В общем, юноше очень не хотелось, чтобы кто-то *так пристально* смотрел в его сторону.

Только в конце дня, по возвращении из собора, где вместе со всеми рыцарями и засыпающими на ходу новичками он отстоял вечерний молебен, сэр Лаймож вспомнил о рыцаре, которому еще днем велел прийти к дверям его покоев. Тот все это время дисциплинированно ждал, стоя у стены, как на часах.

— Сэр Элдон? Следуйте за мной, — приказал сэр Лаймож, проходя мимо него в свой кабинет. Точнее, это был все еще кабинет его предшественника и наставника, сэра Отинура. Тут сохранились многие вещи, которыми пользовался старый рыцарь. Даже, кажется, чернила в чернильнице были теми же, которые наливали еще при нем. Прославленный драконоборец чувствовал себя неуютно в этих стенах, и не только потому, что был вынужден, подчиняясь королевскому указу, заняться делом, которое ему не слишком нравилось. Он — воин, а не канцелярская крыса!

Вошедший следом рыцарь остановился у порога, ожидая, пока его начальник закончит метаться по заставленному вещами кабинету, как зверь, запертый в клетке.

— Готовы ли вы исполнять мои приказы, сэр Элдон? — внезапно повернулся он к молчаливо ожидавшему рыцарю.

— Да, сэр! — не моргнув глазом, ответил тот.

— Готовы ли вы пойти на риск, поставить на кон свое имя,

честь, самую жизнь — и потерять все это в случае проигрыша, но обрести небывалую славу, если вам улыбнется удача?

— Приказывайте, сэр!

— И вы готовы сию минуту, не дожидаясь рассвета, пуститься в путь?

— Да, сэр.

— В таком случае вы немедленно отправитесь на север, в Колыбель Ветров.

Рыцарь в легком недоумении сдвинул брови. Колыбелью Ветров звалась одна из северных долин. На первый взгляд она ничем не отличалась от остальных.

— Его величество мне не доверяет, — тем временем рассуждал вслух сэр Лаймож, меряя шагами кабинет. — Меня лишили армии, заперли в четырех стенах, приказав заняться воспитанием молокососов, в то время как любой справится с этим намного лучше меня. В то время как мое истинное призвание — сражаться и уничтожать драконов. И еще я не доверяю брату Руйеру... Скажите, в чем, по-вашему, состоит наша цель?

Если рыцарь и удивился, то не подал вида. Он лишь немного замялся, прежде чем ответить — настолько резким был переход, — но в конце концов произнес:

— В том, чтобы уничтожить драконов.

— Да, уничтожить! — Сэр Лаймож сжал кулаки, словно смыкая пальцы на горле невидимого врага. — Этих злобных огнедышащих тварей, мерзкое порождение Хаоса и черной магии прошлого! Я видел сожженные дотла деревни, города, от которых остались лишь дымящиеся развалины. Видел трупы людей и животных, спаленных этими чудовищами или обгрызенных их жуткими клыками! Я видел, во что они превращают сады и пашни, что остается на месте озер и лесов после того, как над ними пролетят эти... эти чудовища. Их надо уничтожать, всегда и везде! И на вас, сэр Элдон, я возлагаю надежды в этом нелегком и опасном деле.

— Но, сэр, — рыцарь заколебался, — сейчас перемирие... До наступления Года Дракона еще есть время, чтобы...

— Перемирие! — Магистр выплюнул это слово, как ругательство. — Лишь краткая передышка перед новым боем! Что такое жалкие двенадцать лет мира, если платить за них приходится кровью и смертями? Я знаю, что говорю — я пережил уже три таких цикла. И все они заканчивались одним и тем же — нападением драконов...

— И каждый раз люди надеялись, что этот будет последним, — вставил слово сэр Элдон.

— И каждый раз находились те, кто этого не желал. Ибо, скажите мне, в чем состоит предназначение драконоборцев?

— Чтобы сражаться с драконами, защищая мирное население от...

— Вот именно — чтобы сражаться! — Сэр Лаймож рубанул кулаком воздух, словно в руке у него был разящий меч. — А как вы думаете, сэр Элдон, что станет с нашим Орденом, если исполнятся мечты всех тех, кто мечтает о вечном мире между людьми и этими тварями?

На сей раз рыцарь думал дольше, чем пару секунд, и на лице его отразились следы сомнений.

— Мы перестанем существовать, — озвучил его мысль магистр. — Ибо цель драконоборцев — именно война! Мы живем от Года Дракона к Году Дракона, в конце каждого цикла набирая талантливых, смелых, крепких, выносливых и просто родившихся при определенном сочетании звезд мальчишек, чтобы воспитать из них новое поколение бойцов. К началу нового Года Дракона многим из них будет по двадцать лет. Они пойдут в бой... Для кого-то первое сражение станет и последним, но через несколько лет на их место придут новые мальчишки, и все повторится сначала. То есть должно бы повторяться из цикла в цикл, из поколения в поколение, до скончания века... Но есть те, кто мечтает изменить существующий порядок вещей. Эти люди денно и нощно выискивают какие-то старинные пророчества, ищут смысл в обрывках старых легенд и разбирают по буквам детские сказки. Они надеются найти ответ на вопрос, как раз и навсегда остановить эту войну, как избавить человечество от ужаса, от необходимости раз за разом восстанавливать разрушенные дома в ожидании, пока опять налетят орды огнедышащих тварей.

— Все люди хотят жить в мире, — осторожно промолвил сэр Элдон.

— Да, но найдется ли в этом новом мире место для таких, как мы с вами, брат мой? — горько усмехнулся магистр. — Я видел три цикла. Трижды над моей головой пронесся Год Дракона. Но вы... Что будет с вами? С остальными нашими братьями? Вы готовы жить в мире, где никому не будет нужен ваш меч, ваш ум, сила, доблесть...

Судя по лицу рыцаря, его одолевали сомнения.

— Только вечная война, только постоянное ожидание удара извне, только угроза новой атаки драконов — вот, как ни странно, гарантия стабильности для нашего мира вообще и для всего Ордена Драконоборцев в частности, — продолжал сэр Лаймож. — И мы должны сделать все, чтобы мир таким и оставался. Поэтому вы сейчас отправитесь на север, в Колыбель Ветров.

— И что я там буду делать?

— Постараетесь сделать все, чтобы новая война состоялась во что бы то ни стало! Я дам вам кое-какие ценные советы. Но в основном вам придется действовать на свой страх и риск, совершенно самостоятельно. Мы не сможем вести нормальную переписку, ибо все должно совершаться в строжайшей тайне. Вы будете практически предоставлены сами себе. И в случае вашего провала ни одна живая душа не должна знать о нашем разговоре.

— Я буду нем, как рыба!

— Будете, сэр Элдон, будете...

Подойдя к высокому, от пола до потолка, книжному стеллажу, магистр нажал на корешок одной из книг, и тотчас полка отъехала в сторону, обнажив нутро тайника. Из него была извлечена самая обычная шкатулка, которая открылась с тихим щелчком, стоило сэру Лайможу дотронуться до одной точки на крышке. Внутри было около десятка разнокалиберных пузырьков. Откупорив один, магистр вытряхнул на ладонь несколько белых шариков.

— Вот, — один шарик лег в ладонь сэра Элдона, — проглотите его. И повторяйте за мной: «Да будут уста мои замкнуты вечной печатью, и ни слова не сорвется с моих губ о том, что слышал и о чем говорил я с магистром Лайможем в последнюю ночь... Если же не сдержу слова по легкомыслию, по неосторожности или по принуждению, то в тот же миг поразит меня смерть».

Рыцарь послушно повторил все слово в слово.

— Это снадобье называется «обещанная смерть», — объяснил сэр Лаймож своему собеседнику, когда прозвучали последние слова клятвы. — Его обычно принимали те, кто боялся так или иначе попасть в плен к врагам. Пока пилюля рассасывается на языке, произносится клятва-заклинание, и чары, наложенные на нее, сплетаются со словами клятвы. И в случае, если то, в чем клялся человек, все-таки происходит, срабатыва-

ет колдовство, и магия убивает своего носителя. Вы, сэр, можете прожить много лет и счастливо дожить до старости, а можете скончаться в тот же миг, как откроете рот и начнете рассказывать о том, что только что произошло. Пока молчите — вы живы. Скажете о нашем разговоре хоть слово — и вы мертвец.

Рыцарь наклонил голову, то ли соглашаясь, то ли внезапно осознав, во что ввязался. Но когда он снова поднял глаза, его взгляд выражал только спокойную решимость:

— Когда мне отправляться?

— Как только я закончу письма. — Магистр сел за стол, заваленный бумагами, нашел несколько наполовину исписанных листов. — Некоторые почти готовы. Извольте пока подождать.

Перо заскрипело по бумаге.

Проводив сэра Элдона, магистр подошел к окну, глядя в ночной мрак. Школа Дракоборцев заснула. Где-то там, набегавшись за день, без задних ног спали только что принятые в нее новички, не подозревая о том, что если сэру Лаймону удастся довести задуманное дело до конца, у них впереди не так уж много мирных лет.

Готику не спалось. Еще несколько минут назад, возвращаясь с вечерней пробежки, он думал только о том, как бы упасть на свою кровать и закрыть глаза. С непривычки ломило все тело, а ноги завтра непременно будут болеть и гудеть. Ох, задремать бы хоть на полчаса! Но стоило юноше положить голову на подушку, как сон куда-то испарился.

В казарме было тихо и темно, только в дальнем углу за ширмой горела свечка у дежурного. Он должен был поддерживать огонь всю ночь, дабы не оставлять спящих в полной темноте. Их тут двадцать человек, значит, хоть раз в месяц, а каждому придется отдежурить от заката до рассвета. Лишь сегодня, давая новичкам поблажку, там сидел какой-то служка.

Юноше было не до сна. Сжавшись в комок под тонким шерстяным одеялом, он лежал в постели и не мог отделаться от щемящего чувства одиночества. Он был один, совсем один в этом чужом холодном мире.

Дворец

Его величество король Нерит Айнский тоже не спал в эту пору, но совсем по другой причине, гораздо более приятной.

Король навел на свою супругу, королеву, дабы зачать долгожданного наследника.

Шестнадцатилетний брак принес его величеству одну только дочь, принцессу Нерию, которой на днях исполнилось четырнадцать. Несмотря на то что принцесс выдавали замуж иной раз в тринадцать лет, девушка до сих пор не была ни с кем помолвлена, ибо еще не было известно, что принесет она своему супругу — громкое имя и связи или корону.

Ее величество королева беременела за последние десять лет несколько раз, но с неизменно печальным результатом. Когда принцессе было четыре года, вся страна ожидала появления наследника. Но это был Год Дракона, и никто не удивился, когда у королевы случился выкидыш.

В другой раз беременность завершилась в срок, но младенец родился обмотанным пуповиной и задохнулся, прежде чем вышел из чрева матери. Королевская чета совершила еще одну попытку — и вся страна возликовала, когда на свет появился здоровый младенец. Но дети иногда умирают, даже если это дети самого короля. Принцу было два месяца, когда он без видимых причин тихо скончался во сне.

Трудно передать, как король и королева оплакивали этого ребенка. А когда еще через год случился очередной выкидыш, придворные начали шептаться, что его величеству как можно скорее следует развестись с этой женщиной и жениться вторично. Ко двору стали приглашать незамужних дочерей и младших сестер своих супругов в надежде, что на одну из них падет благосклонный взгляд монарха. Несколько раз бывало, что Нерит Айнский увлекался прелестями очередной фаворитки, но, продержавшись пару недель, от силы месяц в блеске и славе, красавица быстро становилась женой какого-нибудь придворного и исчезала в глуши провинции.

И вот, наконец, его величество Нерит Айнский уединился в супружеской спальне, чтобы исполнить приятный и вместе с тем важный и нужный акт зачатия наследника престола.

Несмотря на то что женаты были уже более пятнадцати лет, супруги увлеклись процессом настолько, что совершенно забыли о времени. Вслед за первым актом последовал второй, потом третий, после чего утомленный непривычно долгим в его сорок лет «забегом» король вознамерился просто и без затей вздремнуть на плече у не менее утомленной супруги.

То есть лишь подумал о том, что неплохо бы вздремнуть,

ибо стоило королю смежить веки, как в двери забарабанили весьма непочтительным образом.

— Кто? Что? Война? — Его величество резко сел на постели. — Стража!

— Умоляю, мой государь, не надо никого звать! — донесся с той стороны взволнованный голос. — Это я, я!

— Целок? — От негодования, что какой-то придворный поэт осмелился потревожить своего господина в столь неподходящий момент, Нерит Айнский был готов самолично затянуть петлю на шее наглеца.

— Но вы же сами позволили поставить вас в известность сразу же, когда я закончу перевод...

— Перевод? — Король нехотя вылез из постели. Нехотя — потому, что удивленная королева продолжала за него цепляться. Но что возьмешь с женщины? Во дворце вообще мало кто знал, какие отношения связывают короля и поэта, по совместительству придворного шута.

— Да, ваше величество. Я дописал последние строчки несколько минут назад и сразу отправился на поиски...

Одевшись, Нерит Айнский вышел из спальни. Невысокий болезненного вида человечек согнулся перед ним в поклоне:

— Все готово!

— Идем, Целок. — Король направился к выходу. — Кто-нибудь еще знает?

— Никто. Я понимаю, что должен был поставить в известность лорда-канцлера, вашего брата, и послать гонца к драконоборцам, но...

— Сначала — перевод! — Его величество прибавил шагу. Стража шагала след в след, держась на почтительном расстоянии. Целок семенил рядом.

Несколько недель назад под завалами одного из разрушенного драконами храма — разрушен он был давно, но у казны не хватало средств для ремонта, — обнаружили кипу странных писем. Написанные на плохо сохранившемся пергаменте, перевязанные обычной веревкой, они почему-то заинтересовали короля. Вернее, заинтересовало сопроводительное письмо некоего Миртаха к местному священнику: «Святой отец, мне наконец-то удалось их добыть. Не буду писать, чего мне стоило получить оригиналы Свитков Безумного Лорда, но вот они тут, перед вами. Надеюсь, там отыщется ответ на все ваши вопросы...»

Простенькое письмецо, и не должно было оно возбуждать чужого любопытства, но про Безумного Лорда знали. Во время одного Года Дракона он потерял жену и единственную дочь. Их не убили — тела исчезли бесследно. Безумный Лорд был уверен, что женщину и девушку — дочери его было почти шестнадцать лет — похитили драконы и отправился к ним «за справедливостью». Тут его впервые окрестили Безумным, ибо только безумец согласится по доброй воле отправиться туда, откуда, если верить рассказам очевидцев, бегут даже дикие звери. Но Лорд мало того, что ушел — одиннадцать лет спустя, накануне нового Года Дракона, он вернулся домой целым и невредимым!

Он прожил еще более двадцати лет и до последнего что-то писал. Большую часть его писем и свитков сожгли родственники, но несколько произведений уцелело. Орден Драконоборцев охотился за ними, ибо Безумный Лорд писал в основном о драконах. Почти десять лет он прожил с этими существами. Изучил их нравы, стал обладателем уникальных знаний. Поговаривали, что в конце жизни у него неожиданно проснулся дар пророчества — уже практически на смертном одре он записал несколько зашифрованных стихотворений. Обрывок одного из стихотворений случайно попал в руки священнику, провожавшему умирающего в последний путь — он использовал испитый с двух сторон листок как закладку в священной книге. Именно с его легкой руки миру и стали известны Свитки Безумного Лорда — собрание пророческих текстов. И вот уже много лет за ними велась охота.

На пороге библиотеки Целок забежал вперед, распахивая дверь перед монархом, но тут же обогнал его, юркнув в проход между стеллажами. В дальнем углу огромной, заставленной книжными шкафами, стеллажами, сундуками и этажерками залы несколько шкафов отгораживали маленькую комнатку.

— Прощу, ваше величество! — Целок нырнул за стол, стал лихорадочно рыться в бумагах. — Ну, тут есть несколько старых переводов... черновики... Где же оно? А, вот! Извольте... Сие окончание последнего трактата:

...кровь, разорение, горе и глад
Вам принесет дракон.
Огненным зевом своим с небес
Он протрубил зарю.
Заполыхают поле и лес —
Истинно говорю!

- Это все я уже слышал, — перебил король. — Где главное?
— Вот, на отдельном листке!

Тысяча смелых горячих сердец
Страстью опалено.
Битве жестокой не виден конец,
Отдыха знать не дано.
Страсти-драконы кипят в крови,
Разум и чувства не спят.
Вечно драконы над миром живых
Власть утверждать хотят.
Но непреложен судьбы закон!
Так предрекает он:
Жертвенной кровью своей дракон
Будет да побежден!¹

— И это все? — помолчав, поинтересовался Нерит Айнский.

— Все, ваше величество. Извольте сравнить — слово в слово... Правда, пришлось кое-где немного переделать — я все-таки поэт с дипломом, а Безумный Лорд, при всех его прочих несомненных достоинствах, поэтом отнюдь не был. Чувства ритма никакого, рифма хромает...

— Короче! — Широкая ладонь шлепнулась на столешницу. — Ты сумел не только перевести, но и расшифровать текст? Что могут означать последние строчки?

— Все очень просто. — В тоне Целока причудливо переплелись придворная вежливость и снисходительное превосходство истинного гения над дилетантом. — Требуется кровавая жертва!

— Опять? Год Дракона пока не настал! Новый цикл еще не завершен. Сколько можно жертв?

Король набрал полную грудь воздуха, чтобы кликнуть стражу — та отволочит вызвавшего монарший гнев придворного в застенки и... В самый последний момент, спасая свою свободу и жизнь, Целок воскликнул:

— Но, государь, на сей раз речь идет не об обычной жертве! Там же ясно сказано: «Жертвенной кровью *своей*...» Следовательно, не мы должны принести кровавую жертву, а *нам!*

— Кто? Драконы? В честь чего господин станет кланяться слуге? Не заговаривай мне зубы, Целок!

¹ Стихи автора.

— Но ваше величество! Я так вижу! Это сказано в пророчестве...

— ...Безумного Лорда. Мне нужны доказательства. Слышишь? Доказательства! Представь их — и как можно скорее!

С этими словами Нерит Айнский покинул библиотеку. Настроение испортилось. И стоило вылезать из теплой супружеской постели ради того, чтобы услышать несколько рифмованных строчек? М-да, надо признать, что бумаги принесли лишь разочарование. Что ж, продолжим поиски.

Глава 2 ДОЖДЬ

Восемь недель спустя

Как приятно спится под шум осеннего монотонного дождя!
И как же неприятно выскакивать из нагретой постели при резком звуке колокола.

Готик еще досыпал, а тело уже среагировало само — в конце концов, недавнему оруженосцу не в диковинку были ранние подъемы. Кубарем выкатился из постели, вслепую цапнув лежавшие на сундучке штаны и, распрямляясь, начал их натягивать. Вслед за штанами последовала рубашка.

Он, как и другие ученики, еще возился с одеждой, а дверь в казарму уже распахнулась от мощного пинка.

— Шевелитесь, сонные мухи! — гаркнул знакомый голос старшего наставника, брата Акимира. — Бегом на плац! Опоздавший — без завтрака!

Снаружи шумел осенний нудный дождь. Тепло держалось очень долго, погода испортилась на днях, сразу принесся холод и сырость. Юноши успели только обуться и выскочили на улицу одетыми довольно легко.

В отличие от них, брат Акимир щеголял в кожаной куртке с надвинутым на голову капюшоном. Он прошелся вдоль строя.

— Кажется, кто-то на днях ныл, что пора внести разнообразие в тренировки? — задал он вопрос и тут же сам на него ответил: — Ваши молитвы дошли до Создателя. Посмотрите, какая прекрасная погода! И вас ждет ваша любимая полоса препятствий!

— Опять вымажемся, как сервы, — проворчал Пасак.

— Ничего, найдем, кто все постирает, — ответил Яунист.

— Разговорчики в строю! — прикрикнул брат Акимир. — Бегом! Бегом!

— Когда я говорил о разнообразии тренировок, то имел в виду исключительно эти ежедневные гонки, — буркнул себе под нос недавний рыцарь. — А вовсе не погоду!

Осенние дни короче летних, и юноши выбежали в серый сырой сумрак, прямо под дождь. Невольно втягивая головы в плечи и на бегу выстраиваясь в одну линию, они трусцой направились делать комплекс упражнений — три круга бегом вокруг казарм, потом полоса препятствий, потом гимнастика.

Небольшой перерыв был даден только на завтрак — обильный, но легкий, чтобы попавшая в желудок пища не мешала дальнейшим упражнениям. Дождь к тому времени ослаб, превратившись в мелкую морось.

После теплой духоты трапезной выходить на улицу не слишком хотелось, но брат Акимир, который занимался физической подготовкой новичков, едва ли не силой заставил их обратиться на улицу.

— Хватит без толку махать кулаками, — заявил он после очередной разминки. — Сегодня вы попробуете отработать друг на друге все то, что учили ранее. Один бьет, а другой уворачивается.

— И не отвечать ударом на удар? — воскликнул кто-то.

— Нет. До этого вы пока не доросли. Только уворачиваться, но не смей поднять руки на своего противника... Разбиться по парам!

Большинство юношей выбрали себе пары из числа тех, кто оказался поблизости. Готику достался Пасак. За минувшие недели новички успели перезнакомиться. Пасак был сыном обедневшего лорда — пятого или шестого сына в весьма многочисленном семействе. У него не хватило денег на выкуп богатой невесты, и пришлось довольствоваться простолюдинкой, чей обеспеченный отец решил, что титул жениха вполне компенсирует отсутствие у него богатства. У Пасака было четыре сестры, которых надо было выдавать замуж, так что для юноши шансов куда-то выбиться практически не оставалось. Приглашение в Школу Дракоборцев было подобно грому среди ясного неба — ведь считалось, что встать в ряды воинов прославленного Ордена могут лишь дети самых богатых и влиятельных лордов. Но вот поди ж ты — его выбрали! И приняли с такой ничтожной платой, что оставалось лишь удивляться.

Впрочем, как выяснилось, примерно треть братьев-драконоборцев так или иначе происходила из горожан или вилланов. В последнем наборе такими кроме веснушчатого Садуго были еще трое, а ходивший хвостом за Яунистом Ширд оказался сыном судьи. Самыми знатными оказались Яунист, Готик и еще один юноша, Юрат.

Пасак уворачивался от выпадов Готика виртуозно — сказалась служба у лорда, который частенько поколачивал своих пажей и оруженосцев, справедливо полагая, что за науку надо платить, а быть лордом — значит всячески унижать тех, кто слабее. Готик очень старался, но ни разу не мог зацепить напарника. Тот извивался, пригибался, приседал, прыгал, ускользая в самый последний момент. Ширду в этом смысле приходилось немного хуже — он уже несколько раз «словил» удары Яуниста в живот, плечо и в ухо.

— Поменялись! — прозвучала команда брата Акимира.

Пришло время Готика уворачиваться, пытаясь защититься от кулаков Пасака. Чисто машинально, как бывало на прежних тренировках, он выставил вперед согнутую в локте левую руку, закрываясь ею, как щитом.

— Молодец! — послышался голос наставника. — Сам додумался? Хочешь совет? Вторую руку держи так же. И не прижимай локти к животу. Иначе — смотри...

Отстранив Пасака, брат Акимир сам нанес удар, целясь именно в локти. Не успев опомниться, Готик рухнул в грязь.

— Хорошо, что упал! — Драконоборец встал над ним и протянул руку, помогая подняться. — Если бы попытался устоять, непременно отбил бы живот... А теперь — поменялись партнерами!

Пасак пожал плечами и отошел. Его место занял рослый, прекрасно сложенный рыцарь Юрат, который только что стоял в паре с Авидаром. Тот теперь оказался напротив Ширда, а его место подле Яуниста занял веснушчатый Садуго. Паренек бросил на своего напарника затравленный взгляд — он побаивался молодого рыцаря, и тот пользовался внушаемым страхом. Вот и сейчас он, улучив момент, сунул под нос Садуго кулак:

— Только попробуй до меня дотронуться — узнаешь, где раки зимуют! И сам не вздумай дергаться — хуже будет!

— Начали! — хлопнул в ладоши брат Акимир. — Первые номера!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Самый первый день	13
<i>Глава 2.</i> Дождь	40
<i>Глава 3.</i> Слишком много нового	65
<i>Глава 4.</i> Не такой, как все	90
<i>Глава 5.</i> Вызов	115
<i>Глава 6.</i> День Создателя	138
<i>Глава 7.</i> Взгляд василиска	171
<i>Глава 8.</i> За друга	198
<i>Глава 9.</i> Видение	224
<i>Глава 10.</i> Весна дракона	251
<i>Глава 11.</i> Явление дракона	274
<i>Глава 12.</i> Первое испытание	299
<i>Глава 13.</i> Лето дракона	326
<i>Глава 14.</i> Жертвоприношение	353
<i>Глава 15.</i> Погоня	380
<i>Глава 16.</i> Сэр Дракон	407
<i>Эпилог</i>	437